

В архиве Мирры Лохвицкой хранится стихотворение К. К. Случевского, которое не было опубликовано при его жизни:

*Зачем шутить? Шутить опасно!
Ещё хочу я полновластно
Любить... и мало, мало мне
Ласкаться с тенью, жить во сне!*

*Нет, не неведомо, не ново,
Что биться сердце, жить готово.
Скользнуло молнии быстрее
Сквозь острый звук тройных цепей!*

*На ней — одна... мне остальные...
Возможно ль, чтоб, склонясь лобзать,
Я слышал отзвуки стальные?
Цепей, пожалуй, не сорвать!*

Найдено в архиве Мирры. Почему? Адресовано ей?

Начать следует с того, что стихотворение сильное и достойное того, чтобы его знали, но, несмотря на это, оно не попало ни в один из сборников, печатавшихся ни при жизни Случевского, ни в ближайшие годы после его смерти. Строки: «Ещё хочу я полновластно любить... цепей, пожалуй, не сорвать! На ней — одна» (цепь), на (Случевском) — «две». Две это жена и дети. Одна — это, скорее всего, муж.

А чтобы лучше понять, кому посвящено это стихотворение, прочтём ещё одно:

*Вёсла спустив, мы катились, мечтая,
Сонной рекою по воле челна;
Наши подвижные тени, качая,
Спать собираясь, дробила волна.*

*Тени росли, удлиняясь к востоку,
Вышли на берег, на пашни, на лес —
И затерялись, незримые оку,
Где-то, должно быть, за краем небес.*

*Тени! Спасибо за то, что пропали!
Много бы вас разглядело людей;
Слишком бы много они увидали
В трепетных очерках этих теней...*

Очевидно, что сонная река, упоминаемая в этом стихотворении, протекает рядом с дачей Случевского, которую называли «Уголок». Но тогда и приглашённая на дачу дама, должна не удивить своим присутствием никого из постоянных членов литературных пятниц, которые постоянно тусовались на этой даче.

Дам среди этих литераторов немного — шесть. Все поэтессы. Маловероятно, что у человека на склоне лет было несколько «зазноб». Самое вероятное, что такая одна, и из его поэтического окружения, и скромная, и одарённая, и интересный собеседник. Скорее всего, первое, кому бы он передал этот стих была именно она.

У Мирры Лохвицкой и муж и дети — значит тоже две цепи. Не Лохвицкая. Осталось пять. У Поликсены Сергеевны Соловьёвой (Allegro) не было ни мужа, ни детей. Цепей никаких нет. Осталось четыре.

Есть ещё несколько стихотворений Случевского, обращённых к «зазнобе» своего стареющего сердца, в которых он воспеваает какие-то штрихи этой волшебницы: «За губки алые, как розы...», «О! говори же и скажи мне...», «Чудесный сон! Но сон ли это...», «Что

Лохвицкая Мирра

Надежда Тэффи

Поликсена Соловьёва,
Аллегро

Татьяна Щепкина-Куперник

мне твои недостатки...». У Зинаиды Николаевны Гиппиус и Ольги Николаевны Чуминой не были «губки алые как розы». Осталось две.

Татьяна Львовна Полынова (девичья фамилия и псевдоним — Щепкиноа-Куперник) дважды была в браке (первый муж Леонид Григорьевич Мунштейн, второй муж — Николай Борисович Полынов). Хотя, в 1900 году, по мнению Ф. Фидлера, — « невысокая, забавная, миловидная, юная дамочка ». И тугая коса, и муж есть. Нет детей. Однако своей недостаточной воспитанностью, самовлюблённостью и напористостью не могла Татьяна Львовна разжечь длительного чувства влюблённости у высокообразованного пожилого человека, к тому же гофмейстера, тайного советника. Тут надо искать женщину с более тонким и индивидуальным внутренним миром.

Все штрихи героини из приведённых стихотворений Случевского обнаруживаются лишь у Изабеллы Аркадьевны Гриневской (1864–1942), чрезвычайно интересной, талантливой, миловид-

Гриневская Изабелла Аркадьевна

ной тихоней, с алыми губками, которая гордилась своей косой и у которой до 1905 г. (год смерти Лохвицкой, в архиве которой хранилось стихотворение, и год смерти её мужа — Гриневского Александра Каэтановича). Детей у них не было, то есть её связывала только «одна цепь». К тому же, муж Гриневской родился в 1834 г., то есть был на 3 года старше Случевского, поэтому разницу в возрасте со Случевским она особо не замечала.

Кстати, о возрасте Изабеллы Аркадьевны. С. А. Венгеров как-то сказал Ф. Ф. Фидлеру: «Я познакомился с Гриневской в 1878 г.,

и она была уже замужем». В 14 лет? Я тут же полез в свой архив и отыскал фотографию паспорта Н. Тэффи, выданного 13 ноября 1935 г. во Франции. (Тэффи не случайно здесь упоминается. В 1905 г., после смерти Мирры Лохвицкой, Тэффи была принята в литературное сообщество Случевского). В паспорте указана дата рождения 24.4.1885, т.е Тэффи помолодела мгновенно на 13 лет. Вспомнил, что подруга моей мамы, Шура Сорокина, с которой они учились в институте в одной группе, возмущалась, что мама уже 3 года на пенсии, а ей (Шуре) пенсию не дают, т.к. в паспорте «ошибка» с днём рождения. Заметьте, никогда год рождения в документах женщин не бывает ошибочным, чтобы лет стало больше. Что тут скажешь? Женщины неисправимы.

Изабелла Аркадьевна и Мирра Ловицкая в Петербурге жили рядом и дружили. Где же, как не у Мирры, можно было надёжно сохранить дорогую память — стихотворение Случевского. Вот ещё несколько стихотворений Случевского, обращённых теперь понятно к кому, — к Изабелле Гриневской.

Неизданные при жизни стихотворения Случевского

*За губки алые, как розы,
За то, что с них восторги пью —
Тебе красавица, на память,
Рубин блестящий я даю!*

За очи синие, как небо,
Что в них я видел благодать,
Сапфир роскошный, искромётный,
Благоволи, дитя, принять!

В воспоминанье постоянства,
А постоянство — тяжкий труд,
Тебе торжественно вручаю
Тёмно-зелёный изумруд!

Но ни за что не дам алмаза...
Ты вспомни: не бывало дня,
Чтоб ты меня не изводила,
Чтоб не терзала ты меня.

Что мне твои недостатки?
Знаю их! ведаю их!
Мелкие их непорядки
Тонут в порядках больших.

Вся ты чудна и пригожа,
Вся создана для того,
Чтобы, вконец растревожа,
Сгинуть, не дав ничего.

Чудесный сон! Но сон ли это?
Так ясен он, так осязатим!
В мельканьи трепетного света
Он, как ваянье, недвижим!

Мне снилась юность золотая
И милой женщины черты
В расцвете радостного мая...
Скажи! Признайся! Это ты?

Но как мне жаль, что я старею,
Что только редко, иногда,
Дерзаю бледную лилею
Окрасить пурпуром стыда.

Вот такая история одного не напечатанного при жизни стихотворения К. К. Случевского.

Санкт-Петербург